

● ● ●
И сирени, и клён, и сосна у кладбищ
разговаривают, едва
удалится прохожий, остаться рад бы,
но притягивает Москва.

Обмелела река, но родник мерцает
под ракитою, как маяк,
одиноким сердцам,—это с мертвецами
не расстанется свет никак.

Это призраки видят свои творенья,
растворённые в дрёме крон,
и согбенный, всё ищет старик Каренин
ту тропинку и тот перрон.

Граф выходит на станции без названья,
и проспал Петушки алкаш.
Кто ответит—доедет ли до Казани
бричка та? Лето входит в раж,

тополя зацветают, и смотрит дятел
с осторожностью свысока
на природу, лишённую благодати
и воспетую на века,

на записки охотника из подполья,
тихий Дон не заживших ран...
Эту рощу мы все проходили в школе,
но остался лишь общий план;

только рядом все те, чей смущённый разум
просвещенья то враг, то друг,—
вот и кажется роща изящной фразой
и внезапной догадкой—луг.

Наломал же ты дров, литератор-грешник,
вечный путаник и аскет,—
всяк, входящий в искусство, оставь надежду—
здесь проверенной правды нет!

Горький опыт твоих путешествий станет
основаньем иных миров,
бесполезным и горьким письмом к Татьяне,
первой вьюгою на Покров.

Победа

Как говорить о Победе
среди беснованья и блуда,
тем, кто обманут и беден,
больше свободен не будет?

Как говорить о героях
тем, кто врагами считает
вставших когда-то горою
против языческой стаи?

Как о Победе—без гимнов
с грозными, злыми—словами,
с новеньким плохеньким нимбом
над негероев главами?

Как под портретом Иуды
или на площади Брута
праздновать нашу Победу,
пить вместо мёда—цикуту?

Как же нас так победили
без перестрелок и штурма? —
в царствии полного штиля
тщетно стоять на котурнах.

Или вот так собираясь
вместе по памяти старой,
нашу Победу, как рану,
разбредили не даром,

И то, что дети раздали,
внуки едва различают,
правнук из камня и стали
тихо выводит ночами,
не открывая секрета,
всё понимая. До срока

шепчет он: «Око за око,
будет и наша Победа!»

Чужим

Мы дети мечты советской,
вы — спиртом пропахшей кухни.
Мы жили огнём и светом,
вам нравился вкус разрухи.

Мы фабрики помним, школы,
вы — тление самиздата.
Вам жоп не хватало голых
и очень хотелось в «НАТО».

У нас крепостные предки,
у вас — столбовые баре;
вы рай называли клеткой
под треньканье на гитаре;

вам нравился вкус свободы:
джинса, кока-кола, Camel,
и вы сочиняли оды
возлюбленной капсистеме.

Мы в очередях стояли
и ездили по путёвке,
бывало, что даже в Ялту
(народ забубённый, тёмный);

бывало — врачи хамили,
завскладом казался принцем,
и личным автомобилем
не всякий мог похвалиться...

А вы иногда и в Каннах
замечены были прессой,
московские рестораны
за занавесом железным,

писательских дач неброский
уют — помогал отвлечься,
и вы обличали розги,
шептали: «Ещё не вечер!»

И вы оказались правы,
а мы в дураках остались:
и скрючилась та держава
бомжихою на вокзале.

Но мы и теперь на службу
идём по привычке гордо,
смеёмся, грустим и дружим.
У вас — те же три аккорда:

и Родина — вечной тёщей,
и всё пармезана мало,
и вы — как живые мощи,
хоть, в сущности, — у штурвала!

А мы в эту землю ляжем
недобрую и сырую,
поди, не достойны пляжа
заморского.
Аллилуйя.

Чайная ода

Когда-то пили квас и брагу
мы при тишайшем из царей,
но чай, вселяющий отвагу,
нам привезли из-за морей.

С тех пор купец с аристократом
и даже будущий бомбист
в чужом краю, в родных пенатах
благословляли чайный лист.

Нам дела нету до Цейлона,
Китай по-прежнему далёк,
но в самоваре раскалённом
мерцает бойкий уголёк,

стакан садится в подстаканник,
а там — купе или плацкорт,
а там — министр или охранник,
Москва, Анапа, Салехард.

И диссидентские беседы,
и комсомольской стройки пыл
один чаёк под сигареты
навекі воссоединил;

пускай порой пакетик «Липтон»
(наследие годов лихих)
священнодействие сделал липой,
мы сложим новые стихи

и снова кубик со слонёнком
из бакалеи принесём;
петровских, брежневских потомков
надёжно разгоняет сон —

янтарный, яркий и неспешный, —
а то на блюде! — где печаль, —
глоток-другой, глядишь, утешат.
Конечно, боги любят чай!

И даже если поженили
(причиной — спешка или лень),
минуту обратит в идиллию,
а иногда и целый день.

Способен всё вернуть на место
и прояснить любой роман,
и с ним — очаг, начало, детство
метафорой небесных манн;

с ним — разговоры, а не спичи, —
пусть англичанин — наш собрат
в пристратье к высочайшей пище.
Чай будет — всё пойдёт на лад.